

Н.В. Гришечкина, С.В. Тихонова

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ФАКТОР ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Исследуются современные виды коммуникации, изменяющие привычные формы взаимодействия и взаимоподдержки науки и социума и порождающие новые концепции принятия решений по применению научного знания. Авторы рассматривают влияние социальных медиа и конвергенции научных областей на диалог общества и науки. Современным продуктом данного диалога является трансдисциплинарность научного знания. Объектом анализа выступают такие формы трансдисциплинарного диалога, как блогосфера и гражданская экспертиза.

Ключевые слова: научное знание; гражданская экспертиза; социальные медиа; блогосфера; гражданская журналистика; трансдисциплинарность; конвергенция знания; технонаука.

Современные процессы производства и распределения научного знания существенно отличаются от классической социологической модели социального института науки, они не могут быть схвачены в рамках образа автономного замкнутого мира, подчиненного корпоративным ценностям, реализуемым усилиями профессионалов. Ключевой особенностью нового облика социальной реальности науки является трансдисциплинарность, размывание гомогенных научных практик за счет включения действий и решений внешних по отношению к научной экспертизе социальных агентов.

На сегодняшний день в социальной эпистемологии науки сложились две основные смысловые трактовки понятия «трансдисциплинарность». Если первая интерпретирует трансдисциплинарность как знание, применяемое во всех науках (например, язык математики), то вторая описывает ее как специфический способ формирования знания, для которого характерно активное влияние / включение внеаучного знания в поддержку и экспертизу научно-технических программ (политические технологии, реклама в социальных медиа, внеаучные компоненты этической экспертизы и т.д.). Во втором значении этот термин используется при анализе современной технонауки (Бехман и Грюневольд). По определению Латура, «термин “технонаука”... относится к такой деятельности, в рамках которой наука и технологии образуют своего рода смесь или же гибрид...» [1]. Технонаука – это форма внедрения науки в жизненный мир человека. Б.Г. Юдин отмечает, что одним из важных векторов развития технонауки является ее неуклонное приближение к человеку, его потребностям и устремлениям. В результате происходит все более основательное погружение человека в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и технологиями. При этом «дело не ограничивается одним лишь “обслуживанием” человека, наука и технологии приближаются к нему не только “извне”, но и изнутри, проектируя не только для него, но и его самого» [2. С. 22]. Таким образом, технонаука производит не общее типовое знание, а знание индивидуализированное, необходимое для решения частных уникальных ситуаций.

Трансдисциплинарные исследования имеют дело с научными проблемами, не вписывающимися в рамки

конкретных научных дисциплин и связанными с реальными жизненными противоречиями (например, проблемы окружающей среды или биоэтические проблемы, возникающие в результате развития биомедицинских технологий). Как отмечает Л.П. Киященко [3. С. 20], трансдисциплинарность размещена в интервале между истиной и пользой, образуя тем самым антитетически составленную проблематичность, разрешение которой происходит «здесь и сейчас». В результате смещаются локусы формирования знаний за рамки и границы научных областей и социальных институтов. При этом становится достаточно сложно оценить результаты трансдисциплинарных исследований критериями дисциплинарной науки. Вектор трансдисциплинарных исследований задается самим жизненным миром и его проблемами. Специфика жизненного мира как объекта трансдисциплинарных исследований заключается в том, что в нем невозможно выявить универсальные закономерности, найти алгоритмы решения проблем. Каждая проблема носит неповторимый характер, вовлечена в контекст и требует своего решения. Попытки применять к их решению дисциплинарные подходы оказываются неэффективными. Очень ярко данное положение демонстрируют биоэтические дилеммы, например, когда в 1961 г. д-р Belding Scriber (Сиэтл, США) создал эффективно работающий аппарат искусственной почки, возникла проблема распределения дефицитного ресурса (доступа к аппарату «искусственная почка»), решение которой потребовало учета как научного, так и экономического и политического контекстов проблемы, т.е. позиций не-ученых. Показательно, что вся полнота ответственности за принятие решения в данной ситуации была возложена на ставший первым в истории этический комитет гражданских экспертов, символично названный «Божественным комитетом». Его задачей в 1961 г. стало принятие решения о выборе пациента для проведения гемодиализа с помощью аппарата «искусственная почка». Среди семи претендентов комитет выбрал одного, стихийно наметив этические принципы принятия социально значимых решений. Среди членов комитета были врачи, священник, адвокат, домохозяйка, чиновник. Это было примером делегирования обществу права принятия социально значимого решения от профессионального сообщества.

Современная гносеологическая ситуация характеризуется осознанием антропологической обусловленности образа реальности, в связи с чем она приобретает многомерный характер. Трансдисциплинарность как форма знания и как методологическая установка в данных условиях становится оптимальным механизмом освоения действительности. Басараб Николеску определяет трансдисциплинарность через три методологических принципа: 1) наличие разнокачественных уровней реальности; 2) учет и применение логики включенного третьего (the logic of the included middle); 3) констатация принципиальной сложности реальности, заключающейся во взаимопроникновении различных уровней реальности друг в друга [4]. Если конкретно дисциплинарные исследования опираются на изучение только одного уровня реальности (или даже его фрагментов), то задача трансдисциплинарных подходов – оперировать взаимоотношениями нескольких уровней. Усложнение и умножение уровней реальности во многом обусловлено развитием информационных технологий, генерирующих производство символических систем. Они становятся основой формирования информационной реальности, выходящей за рамки объективного и субъективного миров и порождающей различные уровни их взаимосвязи. Реальность как объект изучения науки становится качественно иной, становится информационной реальностью, сущность которой можно раскрыть только через ее гибридную природу, сращение человеческого и технологического.

В целом информационные технологии начинают оказывать существенное влияние на социализацию человека, которая приобретает новое качество и становится техносозидательной [5]. Жизненное пространство человека будет разумным, персонализированным, а все его уровни – связанными между собой. Инвайронментальная среда наделяется коммуникативными свойствами, становится разумной, понимающей вследствие внедрения технизации и наделяется ее различными высокочувствительными сенсорами и вычислительными элементами. Окружающая среда будет полноценным актором, усовершенствованная биометрическими технологиями, способная идентифицировать нас по отпечаткам пальцев, сетчатке глаза, голосу и т.д., она становится «разумной» средой. Связь различных элементов данной среды осуществляется посредством интернета. Трансформация жизненного пространства вследствие развития интернета вещей, таких технологий, как умная среда, дом, город, создает реальность тотальной коммуникации. В результате этого происходят размывание границ человеческого тела, взаимопроникновение различных форм бытия, следствием чего становится переход субъектов на качественно новый уровень развития.

Средством развития данной реальности будут конвергентные технологии. Сегодня это произошло в создании так называемой NBIC – концепции техно-биоэволюции человека, связанной с конвергентным развитием нано-, био-, инфо- и когнитивных наук. Основой для конвергенции в этом направлении стало развитие нанонауки, которая объединила различные области научной деятельности. Развитие конвергент-

ных технологий будет механизмом становления реальности, открывая возможность изменения природы, в том числе и человека на самом фундаментальном уровне. Объективными явятся возможности автогенерации молекулярных наносистем с заданными свойствами, их саморегуляции. Путем самоорганизации сетей различных типов моделируются решения проблем эмбрио- и морфогенеза, т.е. объективным становится процесс осознанной направленной эволюции.

Однако эта радикальная перспектива развития человечества, активно обсуждаемая в спорах о трансгуманизме, оставляет в тени куда менее экзотические повседневные процессы формирования корпуса гражданских экспертов, в основе которых лежит масштабный переход к коммуникационной инфраструктуре цифрового мира. Сближение виртуальной и офлайн-социальной реальности, происходящее в ходе современной цифровой революции, затрагивает как институциональный порядок, так и социальное конструирование знания. Способы коммуникации науки и общества, укорененные в проекте Модерна, имели вертикальный характер и связывали между собой вертикальные же институциональные ансамбли. Роли коммуникатора, технического специалиста, поддерживающего работу канала коммуникации, производителя сообщений были четко разделены и профессионализированы. Реципиент получал сообщение, будучи отчужденным от способов его производства. Основным каналом обратной связи являлись читательские письма в редакции, которые временами вызывали широкий резонанс, но сами по себе крайне слабо влияли на формирование социального заказа. Система массовой информации была организована пирамидально, деятельность профессиональных журналистов приводила к появлению нисходящих информационных потоков, в той или иной мере контролируемых государством, спускающихся через институты прессы, радио и телевидения к пассивному массовому потребителю.

Научная информация, движущая сила развития индустриального общества и технического прогресса, производилась учеными и далее через институт образования транслировалась в миры профессий. Система СМИ синхронизировала локальные миры Модерна, журналисты подкрепляли авторитет науки, информируя массы о научных достижениях, открытиях и прорывах. Создаваемый ими контент был предельным упрощением научной информации и редко предполагал привлечение ученых. Массовые потребители практически не влияли на его производство и создание медийной повестки дня. Таким образом, практика диалога науки и общества была весьма поверхностной, опиралась скорее на кредит доверия, созданный у граждан системой образования, и зависела от государственно-политического заказа.

Распространение и массовизация интернет-технологий открыла массовой аудитории доступ к прямому производству контента и привела к смене вертикальной организации медиaprостранства конфигурацией сетевых горизонтальных связей. По мере перехода интернета к модели web 2.0 профессиональный медийный контент стал заменяться контентом, создава-

емым рядовыми пользователями сети. Прежде пассивный массовый реципиент сделался участником большого числа горизонтальных интеракций, основанных на свободном доступе коммуникантов к любым типам коммуникации (личной, групповой, массовой). Коммуникационная ситуация, в которой любой пользователь интернета может обнародовать любое свое сообщение в любой момент времени, размыла модернистский конгломерат автономных институциональных миров, обеспечивающих социальное движение научного знания. Возник феномен гражданской журналистики, представляющей собой активное участие граждан в процессе сбора, публикации и анализа информации в целях демократического распространения независимой, заслуживающей доверия, точной и разнообразной информации [6. С. 189]. Гражданская интернет-журналистика быстро превратилась в новую форму равноправных социальных отношений в медиасфере и определения ключевых тем общественной дискуссии, ее повестки дня [7]. Главным фактором ее распространения стало появление блогосферы, коммуникационные практики которой были интегрированы более новыми социальными сетями и видеоблогингом.

Блогосфера как социально-текстуальное пространство социальных сетей поддерживается разными платформами, на основе которых осуществляется массовая публикация частных записей дневникового жанра. Их виды весьма разнообразны – блоги могут быть политическими, научными, образовательными, музыкальными, бытовыми, спортивными (по тематической направленности); авторскими, коллективными, корпоративными (по числу авторов и характеру отношений между ними); текстовыми, видео-, фото-, подкастовыми (по характеру медиатекста) [8. С. 109]. Блогосфера в целом отличается динамическими отношениями автора и читателя, проявляющимися в корректировании, комментировании и уточнении текста. На этой коммуникационной основе реализуются поливариативные стратегии выбора аудитории, тематики, элементов медиатекстов и целей публикации. Стирание четких границ между ролями автора и читателя, низкое влияние агентов цензуры, конвергенция с традиционными СМИ привела к экспансии блоготекстов в медийную нишу традиционных журналов мнений, ранее выступавших основным каналом диалога науки и общества.

Прежде молчаливое большинство массовых читателей получило право голоса. Блогер, объективирующий свой внутренний мир, субъективное мировоззрение и оценку средствами медиатекста, стал влиятельным лидером мнений, потеснив журналиста-профессионала и снизив влияние на умы журналистского комментария в области массовой аналитики. Если в индустриальном обществе в традиционной системе СМИ мнение научных работников («экспертное мнение») публиковалось в узкосегментных специализированных изданиях, постепенно «просачиваясь» затем в сообщения высокотиражных изданий [9. С. 64–66], то в глобальной медиасреде эта иерархия разрушилась, а медийная повестка дня стала зависеть от настроений гражданских экспертов. Бло-

геры почти мгновенно откликаются на события, обеспечивая оперативное распространение информации о нем, наращивая плотность новостного события и укрепляя общественный интерес, т.е. наделяя событие резонансом. При этом стратификация блогерского корпуса весьма условна: распределение ссылок и трафика в блогосфере сильно смещается за счет небольшого числа блогеров, которые овладевают всеобщим вниманием. Благодаря этому горстка «избранных» блогов может выступать как в качестве собирателей информации, так и в роли «суммарной статистики» по блогосфере» [10]. Но «избранность» при этом весьма ситуативна и связана не с успешной «карьерой» блогера, а с фактом попадания в тренд. Конечно, популярность успешных блогеров со временем растет, популярные блогеры охотно цитируют друг друга, однако малоизвестные блогеры никогда не теряют шансы на повышение собственной популярности при удачных обстоятельствах. Продвижение актора в пространстве блогосферы зависит от качества человеческого капитала. Высокая работоспособность, привлекательность авторского стиля, актуальность тематики – все это способствует вхождению в топовый круг, осуществляемому весьма быстрыми (по меркам традиционной социальной мобильности) темпами.

Важно отметить, что успешный блогер – это человек, способный к созданию углубленного комментария, а значит, к логическому анализу на уровне построения систем взглядов и концепций. Наиболее популярные блогеры – это сформировавшиеся люди с хорошим образованием, нередко филологическим, и наличием свободного времени.

В пространстве экспоненциально возрастающей информации интеллектуальная деятельность блогера сконцентрирована не столько на создании нового информационного продукта (описывающего новые факты и явления), сколько на создании интерпретаций и критики, предполагающем оперирование информацией преимущественно экспертного характера. Таким образом формируется депрофессионализированное социальное поле генерации оценок, гражданских экспертиз.

Гражданская экспертиза – это независимый от профессионального научного сообщества анализ общественно значимых проблем в контексте их соответствия социальному интересу. Это исследование, проводимое на основе экспертных оценок с целью разрешения противоречивых и рискованных ситуаций. Основной целью гражданской экспертизы является не только анализ, оценка, прогнозирование последствий объективного противоречия, но и участие в социальном контроле над результатами научной деятельности.

Н. Штер, проблематизируя растущую роль знания в «обществе знания», утверждает, что наука может дать только «более или менее обоснованные гипотезы и вероятностные выводы. Вместо того чтобы быть источником достоверных знаний и уверенности, она в первую очередь является источником неуверенности и общественно-политических проблем» [11. С. 31–35]. В этом же ключе У. Бек развивает тезис о разрушении монополии на знание в «обществе риска», выдвигая положение, согласно которому в сфере экспертного

знания о рискованных процессах нет и не может быть безусловного авторитета. Неизбежным следствием этого является интеграция социальных акторов в процессы экспертной оценки.

Изначально термин «гражданская экспертиза» формировался в политологическом дискурсе [12] для описания нового канала демократического влияния избирателей на принимаемые правящей элитой решения. Поскольку существенная часть этих решений касается прикладных научных исследований и внедрения их результатов на региональном уровне (размещение научных лабораторий, внедрение новых технологичных производств, экологическая безопасность и т.п.), гражданская экспертиза сразу затронула сферу диалога науки и общества. Гражданская экспертиза способна продуцировать ценностные иерархии и аксиологические рамки оценки, прагматически детерминирующей семантическое поле установления научной истинности.

Иначе говоря, она способна выдвигать методологические средства определения жизнеспособности научного знания, дополняя базовые критерии истинности критериями практической применимости и этической одобряемости. Следовательно профессиональная научная экспертиза теряет монополию на включение нового научного знания в воспроизводство социального порядка. В результате обмена знаниями заинтересованные в их получении стороны формируют и закрепляют механизмы регулярного общения. Это определяет возможность взаимодействия и создания доверительных отношений между лицами, принимающими решения, и учеными. Риском построения данного диалога в современном обществе является «десакрализация» научного знания, появляющаяся в результате постоянно возникающей необходимости обращаться за помощью и разъяснениями к обществу, так как наука всегда имеет дело с рядом вопросов, точные и однозначные ответы на которые принципиально невозможны.

Активное включение гражданских экспертов в деятельность по производству научного знания становится предпосылкой реализации трансдисциплинарных стратегий современной науки. Гражданская экспертиза будет эффективным способом формирования превентивных установок, например здравоохранительных. Неслучайно именно биомедицина стала исторически первой областью институализации гражданской экспертизы как трансдисциплинарной практики.

В биомедицинских исследованиях в определенной мере можно усматривать истоки формирования нового научного этоса, связанного с развитием биоэтики. Наличие ценностно-выделенного объекта экспериментальных воздействий и манипуляций – человека, определяет необходимость различать морально допустимые и морально неприемлемые манипуляции, и это различие в случае каждого конкретного исследования проводится не только исследователями – в определении этой грани участвуют и бизнес, и власть (через регулирующие нормы), и общественность. Как отмечает В.И. Моисеев, в области биоэтики ярко проявляет себя трансдисциплинарный статус научного знания, который выражается в нарушении общепри-

знанных дисциплинарных делений [13]. Возникнув во второй половине 20-го в., биоэтика не свободна от влияния тех тенденций, которые характерны для науки в целом. Более того, развитие современной биоэтики невозможно без учета общенаучного контекста, отраженного концепциями постнеклассической науки (В.С. Стёпин, В.И. Аршинов и др.), 2-го типа производства знаний (Mode 2 knowledge production, M. Gibbons, H. Nowotny, P. Scott и др.), постакадемической науки (J. Ziman), технонауки, науки «другого модерна» (У. Бек) и др. [14].

Философская рефлексивность биоэтики определяет ее способность выступать арбитром в урегулировании конфликтных ситуаций и поиске компромиссов. Как отмечает У. Бек, в современной ситуации индустриально развитых демократических стран риск начинает пониматься как результат избыточности технологического и научного прогресса, отсутствия прогностической освоенности порождаемых последствий [15]. В связи с этим определяются особые задачи биоэтики. Чем фундаментальнее открытие или техническая инновация, тем связанные с ними риски также фундаментальнее. Обнаруживаемые обществом цивилизационные риски становятся скрытыми для научного взгляда. Цивилизационные риски проявляются только трансдисциплинарно и трансинституционально [15. С. 43].

«Пост-нормальная» наука впервые выявила ситуации, в которых факты являются неопределенными, значения переменных – неоднозначными, важность проблемы – очень высокой, решения – очень срочными. В данных условиях эвристически ценно соединение формального, научного, знания с неформальным. Расширенное экспертное сообщество становится контекстом, в котором качество научных знаний противопоставляется реально существующим препятствиям.

Таким образом, сложившуюся модель современного диалога гражданской экспертизы и технонауки можно обозначить как трансдиалог. Его субъектами являются трансдисциплинарные научные эксперты, вне рамок диалога контактирующие с экспертами дисциплинарными, и лидеры мнений, которыми выступают депрофессионализированные активисты гражданской экспертизы и институционализированные представители власти. Проблема в том, что эта модель имеет жесткие ограничения – она эффективна только там, где есть множество противоположных этических позиций, которые могут быть «усреднены» в ходе общественной дискуссии и стать основой социального согласия. Примером может быть введение временного моратория на клонирование человека, компромиссное как для либералов, так и для консерваторов от биоэтики.

Иной ситуация становится когда гражданские эксперты пытаются вынести вердикт о гносеологически разнородных практиках, оценивая полезные эффекты науки и лженауки, не имея методологических инструментов для их демаркации. Гражданский эксперт не способен выступить субъектом научной экспертизы, какой бы антидемократической не была данная констатация. Наглядным примером является социально-политическая реакция на меморандум Комиссии

РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований «О лженауке и фальсификации научных исследований при Президиуме РАН заявила, что гомеопатические методы диагностики и лечения следует квалифицировать как лженаучные, так как отсутствуют убедительные экспериментальные подтверждения их эффективности. 2018 г. ознаменовался судебными разбирательствами РАН и гомеопатов, результаты и последствия которых пока далеко не очевидны.

Случай гомеопатии демонстрирует потенциальную конфликтность отношений науки и общества: попытка научного сообщества очертить границы предмета знания и предмета веры сталкивается с сопротивлением общества, четко ориентированного на авторитет ненаучных практик. Возникшая ситуация точно очертила проблему возможной экспансии гражданской экспертизы, риска подмены объективного знания оценками, мнениями и верой в положительный эффект. С. Фуллер описывает сложившуюся ситуацию как возникновение «протнауки» по аналогии с протестантизмом и характеризует современный этап развития науки как процесс секуляризации, результатом которого становится «формальное отделение производства знаний от воспроизводства социального порядка». Это разделение в свою очередь порождает распространение альтернативных источников авторитета, в результате чего «бремя интерпретации переносится на предположительно включенную и разумную аудиторию» [16. С. 62]. Неоднородность данной аудитории С. Фуллер фиксирует понятиями «клиент» и «потребитель», определяя первого как субъекта, ориентированного на получение научных знаний, а второго – как пользователя технологиями и результатами научно-технического прогресса.

В этом контексте интересно, как Б.Г. Юдин развивает рассмотренную выше концепцию технауки. Он показывает институциональное расщепление потреб-

ления научного знания. По мнению автора, одной из составляющих «внешнего контура» технауки является общество, которое выполняет роль посредника между «потребителями», «клиентами» и «производителями» научного знания прежде всего через такой институт, как СМИ [2. С. 22]. В данном контексте гражданская экспертиза также выполняет функцию посредника, устанавливая соответствие между знанием и практикой. Проблема заключается в том, кто должен выполнять роль гражданских экспертов – «клиенты» или «потребители»? Если ее осуществляют последние, то возникают весьма неоднозначные коллизии и экспоненциальный рост отсроченных негативных рисков, как в случае с гомеопатией.

Подводя итоги, важно отметить, что дискуссия о статусе гомеопатии еще не пришла к своему завершению. Иначе обстоит дело со статусом генной инженерии, не связанной с терапевтическими целями. Прочный альянс между политической элитой, ориентированной на антисанкционную политику импортозамещения, и гражданской экспертизой, мифологизирующей ГМО-угрозу, привел к легальному запрету на выращивание и разведение растений и животных, генетическая программа которых изменена с использованием методов генной инженерии и которые содержат генно-инженерный материал, на территории РФ (Федеральный Закон № 358-ФЗ от 3.07.2016 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности»). И хотя формально эти деяния «в целях экспертиз и научных исследований» остались разрешенными, практикоориентированный характер современной технауки привел к фактическому их запрету и резкому снижению конкурентоспособности отечественных исследований по этому направлению. Трансдиалог общества и науки не является панацеей, он имеет непреодолимые барьеры, снятие которых, вероятно, станет задачей другой модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Latour B. From the World of Science to the World of Research? // Science. 1998. Vol. 280, № 5361.
2. Юдин Б.Г. Технаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. М., 2016. Т. 48, № 2.
3. Киященко Л.П., Лекторский В.А. и др. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии // Вопросы философии. 2012. № 12.
4. Transdisciplinarity: Basarab Nicolescu Talks with Russ Volckmann // Integral Review. 2007. № 4.
5. Nikitina E. Techno-Socialization of a Human Being // Workshop «Philosophy & Engineering». Abstracts. – Delft University of Technology, 2007.
6. Филатова О.Г. Коммунитаризм и гражданская журналистика как перспективные направления исследований // Управленческое консультирование. 2011. № 2.
7. Turner F. From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism: University Of Chicago Press, 2006.
8. Санин М.К., Барков Е.И. Эффективность блоггинга как маркетингового инструмента // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 2.
9. Мотовилов Д.А. От почтмейстеров до транснациональных корпораций: очерки истории журналистики США. Владивосток : ДВГУ, 2004.
10. Шатин И.М. Социальные среды современной политики: блогосфера // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2011. № 1 (62).
11. Штер Н. Мир из знания // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 31–35.
12. Гончаров Л.А. Гражданская экспертиза как институт демократической политической системы в современной России: организационные и социокультурные барьеры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2012. № 1 (120).
13. Моисеев В.И. Биоэтика – наука о биоэтике // Трудный пациент. 2007. Т. 5, № 1.
14. Киященко Л.П., Тищенко П.Д. Новый тип производства знаний и проблема ответственности в биологии и медицине 21-го века // Философские науки. 2010. № 12.
15. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Сидельникова и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
16. Фуллер С. Клиентская наука как выражение научного плюрализма // Эпистемология и философия науки. М., 2015. Т. 46, № 4.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 23 октября 2019 г.

Civil Expert Examination and Transdisciplinarity of Scientific Knowledge

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 452, 73–78.

DOI: 10.17223/15617793/452/8

Natalya V. **Grishechkina**, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

Sophia V. Tikhonova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: segedasv@yandex.ru

Keywords: scientific knowledge; civil expert examination; blogosphere; civil journalism; social media; transdisciplinarity; convergence of knowledge; technoscience.

The main aim of the article is to analyze modern processes of production and distribution of scientific knowledge. The authors distinguish between the emerging model today and the classical sociological model of the social institution of science. Using the transdisciplinary research methodology, they prove that the processes described above cannot be captured within an image of an autonomous confined world subordinate to corporate values implemented by professionals and conclude that the erosion of homogeneous scientific practices occurs by incorporating actions and decisions external to the scientific expert examination of social agents. The development of convergent technologies becomes a mechanism of reality which opens up the possibility of changing nature, including man, at the most fundamental level. Considering the convergence of virtual and offline social realities taking place during the modern digital revolution, the authors note that it affects both the institutional order and the social design of knowledge. The erasure of clear boundaries between author and reader roles, the low influence of censorship agents, convergence with traditional media led to the expansion of bloggers into a media niche of traditional opinion magazines, which had previously acted as the main channel of dialogue between science and society. Communicative analysis of the media agenda allowed the authors to conclude about its dependence on the mood of civil experts and formation of a deprofessional social field of estimates, generation of civil expert examination. At the same time, the authors revealed that in the space of exponentially increasing information the intellectual activity of the blogger is concentrated not so much on the creation of a new information product (describing new facts and phenomena), but on the creation of interpretations and criticism, involving the operation of information of a predominantly expert nature. The article carries out a study of civil expert examination as an analysis of socially significant problems independent from the professional scientific community in the context of their conformity with social interest. This is a study based on expert assessments to resolve conflicting and risky situations. The main purpose of civil expert examination is not only to analyze, evaluate, predict the consequences of objective contradiction, but also to participate in social control over the results of scientific activity. The authors conclude that civil expert examination is able to put forward methodological tools for determining the viability of scientific knowledge, complementing the basic criteria of truth with the criteria of practical applicability and ethical approval. Consequently, professional scientific expert examination loses its monopoly on the inclusion of new scientific knowledge in the reproduction of the social order. In these conditions, the connection of formal scientific knowledge with informal knowledge becomes heuristically valuable. Thus, civil expert examination is able to produce value hierarchies and an axiological framework of assessment that pragmatically determines the semantic field of establishing scientific truth.

REFERENCES

1. Latour, B. (1998) From the World of Science to the World of Research? *Science*. 280 (5361).
2. Yudin, B.G. (2016) Tekhnonauka i “uluchshenie” cheloveka [Technoscience and the “Improvement” of Man]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 48 (2).
3. Kiyashchenko, L.P. et al. (2012) Konvergentsiya biologicheskikh, informatsionnykh, nano- i kognitivnykh tekhnologiy: vyzov filosofii [Convergence of Biological, Information, Nano- and Cognitive Technologies: A Challenge to Philosophy]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 12.
4. *Integral Review*. (2007) Transdisciplinarity: Basarab Nicolescu Talks with Russ Volckmann. 4.
5. Nikitina, E. (2007) Techno-Socialization of a Human Being. *Workshop “Philosophy & Engineering”*. Abstracts. Delft University of Technology.
6. Filatova, O.G. (2011) Communitarianism, And Civic Journalism As Promising Research Directions. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 2. (In Russian).
7. Turner, F. (2006) *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism*. University of Chicago Press.
8. Sanin, M.K. & Barkov, E.I. (2016) Efficiency of blogging as a marketing tool. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment – Scientific Journal of NRU ITMO. Economics and Environmental Management*. 2. pp. 107–112. (In Russian). DOI: 10.17586/2310-1172-2016-9-2-107-112
9. Motovilov, D.A. (2004) *Ot pochtmeysterov do transnatsional'nykh korporatsiy: ocherki istorii zhurnalistiki SshA* [From Postmasters to Transnational Corporations: Essays on the History of US Journalism]. Vladivostok: DVGU.
10. Shatin, I.M. (2011) Social Environment of Modern Politics: Blogosphere. *Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie – RSUH/RGGU bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies*. 1 (62).
11. Ster, N. (2002) Mir iz znaniya [World From Knowledge]. Translated from German by A.N. Malinkin. *Sotsiologicheskiy zhurnal – Sociological Journal*. 2. pp. 31–35.
12. Goncharov, L.A. (2012) Civilian Expertise as Institute of a Democratic Political System in Modern Russia: Institutional and Sociocultural Barriers. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya – Belgorod State University Scientific Bulletin. History, Political Science, Economics, Information Technologies*. 1 (120). pp. 256–260. (In Russian).
13. Moiseev, V.I. (2007) Bioetika – nauka o bioetakh [Bioethics: The Science on Bioethicians]. *Trudnyy patsient*. 5 (1).
14. Kiyashchenko, L.P. & Tishchenko, P.D. (2010) New Type of Knowledge Production and Problem of Responsibility in Biology and Medicine in the 21st Century. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 12. pp. 38–41. (In Russian).
15. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sidel'nikov, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
16. Fuller, S. (2015) Customized Science as a Reflection of “Protoscience”. Translated from English. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 46 (4). (In Russian).

Received: 23 October 2019